Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

Друг или враг Христов - Толстой

Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 4. С. 463-482.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Другъ или врагъ Христовъ—Толстой? *)

ИТАКЪ, по Толстому, «Троицы» нѣтъ,—Іисусъ Христосъ былъ простымъ лишь человѣкомъ,—Св. Духа—также нѣтъ... Онъ ни на кого, посему, и никогда и не «сходилъ»... Ясное дѣло отсюда, что, съ графской точки зрѣнія, не можетъ быть принятъ параграфъ «*Катихизиса*», говорящій: «Священнымъ Писаніемъ» называются «книги, написанныя Духомъ Божіимъ, чрезъ освященныхъ отъ Бога людей, называемыхъ Пророками и Апостолами. Обыкновенно сіи книги называются Библіей» (см. главу «*О Священномъ Преданіи и Священномъ Писаніи*»). Графъ, разумѣется, и отвергаетъ подобный взглядъ на Священное Писаніе, какъ неудобопріемлемый...,—а также, съ своей стороны, высказываетъ не мало грубыхъ и оскорбительныхъ вещей (для того, чтобъ унизить Библію), какихъ столь много имѣется въ его «художественномъ» запасѣ, по пути приписывая (по своему обычаю) представителямъ Церкви все, что только ему вздумалось бы. Духовенство, по увѣренію Толстого, будто бы «не вѣритъ въ боговдохновенность всего того писанія, которое» оно «называетъ священнымъ» (*Т. «Обращ. къ духов.»*, стр. 43). Почему, однако, графъ такъ думаетъ, это неизвѣстно, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, о какихъ рѣчь была выше неоднократно. Толстому не нравится, что Церковію «Библія признана священной», «писаніе непогрѣшимымъ» (*Т. «Что такое религія»...*; стр. 18), а между тѣмъ-де сколько «нелѣпостей» въ «ветхомъ» хотя бы «завѣтѣ въ родѣ сотворенія... міра..., помѣщенія всѣхъ животныхъ въ ковчегъ» и т. д. (стр. 18—19). Люди-де «признавали священнымъ изложеніемъ закона Бога 49 книгъ и въ этихъ

*) Окончаніе. См. мартъ.

книгахъ признали всякое слово произведеніемъ Бога, святого духа», хотя будто бы въ нихъ—«куча мнимыхъ священныхъ истинъ» (*Толст. «Возстан. ада»*, стр. 9)... Какихъ? Почему мнимыхъ? Но, конечно, ниже Толстовскаго достоинства разъяснять это,—и графъ, конечно, не трудится разъяснять... Сказавъ, что въ каноническихъ книгахъ Священнаго Писанія «все—отъ Духа Святаго и всякое слово истинно», «этимъ» Церковь, по Толстому, «погубила и повредила все то, что она приняла» (*Толст. «Соедин. и перев... Евангел.»*, стр. 10),—такъ какъ графъ, — видите ли, — находитъ въ словѣ Божіемъ вещи, ему не нравящіяся, которыя слѣдовало бы выбросить и которыя-де не могутъ быть признаны за умѣстныя въ Св. Писаніи, какъ таковомъ: напр., «мошенничество» (?!) «любимаго Богомъ Якова», «хитрости Іосифа»..., «страшныя злодѣянія, совершаемыя... самимъ Богомъ» (??)... (*«Обращ. къ дух.»*, стр. 30), «потопъ»... (стр. 31), «исторія первыхъ людей и грѣха Адама»... (стр. 46) и т. п. Какъ видите,—вмѣсто того, чтобъ постараться понять смыслъ библейскихъ повѣствованій, напр., по руководству святыхъ Отцовъ...,—графъ, никого не считающій выше себя, самъ — безъ чьихъ-либо указаній, по одному своему капризу барскому, одно выбрасываетъ, другое считаетъ нелѣпымъ, употребляетъ даже непозволительныя для сколько-нибудь порядочнаго человѣка слова (о патріархѣ Іаковѣ, о патр. Іосифѣ...), дерзко обвиняетъ «самого Бога» (дальше идти не-куда даже и самому діаволу!)... и готовъ по части безумныхъ выходокъ своихъ, по части безконечнаго богохульства и безграничнаго нравственнаго цинизма побить какой-угодно рекордъ. Не-мудрено, посему, что ругатель-Толстой, наконецъ, дошелъ до такого безумнаго вопроса: «есть ли въ христіанскомъ мірѣ книга, надѣлавшая больше вреда людямъ, чѣмъ эта ужасная книга, называемая Священной Исторіей ветхаго и новаго завѣта?» Толстого возмущаетъ, что «эту исторію» изучаютъ «всѣ люди христіанскаго міра, какъ первое необходимое основное знаніе, какъ единую, вѣчную божескую истину» (стр. 31)... Одного только яснополянскій безумецъ не уяснилъ себѣ: благодаря чему—онъ самъ-то въ свое время былъ болѣе или менѣе порядочнымъ въ нравственномъ отношеніи человѣкомъ, пока не свихнулся духовно и не понесъ всякій богохульный и порнографическій вздоръ? Ему—графу—всегда не мѣшало бы помнить басню: *«Свинья подъ дубомъ вѣковымъ»* и т. д.

И такъ, по графу, прежде всего «Ветхій Завѣтъ» не есть «боговдохновенное писаніе» (*Т. «Соедин. и перев... Евангг.»*, стр. 8—9). Толстому кажется смѣшнымъ предположеніе, что «Богъ... открылъ всю истину Моисею, написавъ пальцемъ на камнѣ то, что надо держать клятвы, помнить день субботній, обрѣзываться»... (*Т. «Христ. ученіе»*, стр. 68)... Чего не понимаемъ, то намъ, видите-ли, конечно, только смѣшно, только странно...—не больше!.. Хорошо!

Но и священнымъ книгамъ Новаго Завѣта снисхожденія оказывается не столь ужъ много!

Евангеліе (на которое графъ смотритъ такими же глазами, какими и на всякую вообще человѣческую книгу, потому что, какъ сказано, никакой «боговдохновенности» онъ не признаетъ)—«составлено»-де «людьми малообразованными и суевѣрными» и оно «никакъ не есть непогрѣшимое выраженіе Божеской истины..., исполнено погрѣшностей и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принимаемо, какъ произведеніе Св. Духа»... «Мы»,—говоритъ этотъ комичный экзегетъ,—«обязаны» (особенно онъ съ его нулевыми филологическими, философскими и религіозными познаніями), «если уважаемъ истину» (по графу, къ сожалѣнію, никакого дѣла до истины нѣтъ,—онъ считается только со своимъ сатанинскимъ самолюбіемъ, ничего не желающимъ знать выше и кромѣ себя), «исправлять встрѣчающіяся въ этихъ книгахъ погрѣшности»... (*Толстого: «Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность?»* 2-е издан. «*Своб. Слова*», № 6. A. Tchertkoff. Purleigh, Maldon, Essex, England. 1900. Стран. 6)... Да,—если допустить къ Евангеліямъ Толстого съ его безпримѣрно-невѣжественными и безграмотными пріемами, то отъ этихъ святыхъ писаній едва-ли что-нибудь останется! Хоть бы графъ взялъ на себя трудъ познакомиться съ исторіей вопросовъ: о подлинности св. Евангелій, о текстѣ ихъ и пр.,—тогда онъ многому бы научился, о чемъ пока и не подозрѣвалъ, и это знакомство сбило бы всю его спѣсь... А теперь, рѣшительно ни съ чѣмъ не—знакомый, видящій свѣтъ только въ своемъ узко-сектантскомъ окошкѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, безаппелляціонно заявляетъ, что «неизвѣстно, кто писалъ», напр., «четвертое евангеліе»..., и «что этого мы никогда не узнаемъ» и не въ состояніи «судить объ исторической достовѣрности евангелія»... (*Т. «Излож. Евангг.»*, стр. 209). Толстому-то, конечно, не извѣстно ни это, ни многое другое (ему хорошо знакомы

только грубыя извощичьи слова и выраженія, съ развязностью расточаемыя направо и налѣво съ чисто кабацкимъ ухарствомъ: у него и «бабы идутъ ко гробу» Спасителя, и «порченая Марія», и «кумушки»...: стр. 210),—но всѣмъ здравомыслящимъ людямъ все это давно уже ясно, благодаря древне-церковному твердому и опредѣленному преданію, непрерывному со временъ Апостольскихъ...

Относительно книги «*Дѣяній Апостольскихъ*» Толстой заявляетъ, что въ ней находится элементъ, «часто не только не поучительный, но прямо соблазнительный»...,—что «теперь нельзя найти болѣе кощунственной книги, болѣе подрывающей вѣру», чѣмъ эта будто бы книга (*Т. «Изложе. Ев.»*, стр. 111; ср. стр. 110...), — что «Дѣянія»..., «какъ и многія посланія Павла, часто не только не имѣютъ ничего общаго съ Евангеліемъ..., но часто противорѣчатъ» ему... (стр. 112) (чит. тоже въ «*Соед. и перев... Евангг.*», т. I, стр. 10, 12...)... Но, если спросить у графа толковаго (сколько-нибудь) отвѣта на вопросы: что именно «соблазнительнаго» онъ нашелъ въ «Дѣяніяхъ»,—что—«кощунственнаго», «подрывающаго вѣру»,—что тамъ «противорѣчитъ» будто бы Евангелію и другимъ новозавѣтнымъ писаніямъ,—то, разумѣется, такого отвѣта мы никогда не дождались бы,—его у графа нигдѣ и нѣтъ... Не о чемъ, слѣдовательно, болѣе и толковать. Остается сказать развѣ о томъ лишь, что и «соблазнительнымъ», и «кощунственнымъ», и «противорѣчивымъ»... элементами переполнены только его—графскія—творенія, но никакъ не новозавѣтныя библейскія писанія. Кощунственныя и соблазнительныя, подрывающія вѣру толстовскія рѣчи мы уже не разъ слышали выше,—а о томъ, какъ графъ себѣ жестоко противорѣчитъ, можно судить хотя бы по отношенію его къ вопросу о бракѣ: «идеальною женщиною» онъ считаетъ-то такую, «которая отдастся своему женскому призванію... и родитъ... наибольшее количество дѣтей», то такую, «которая разрушитъ въ себѣ это самое призваніе, уничтожитъ»... (см. подробности въ *моей* статьѣ: «*Къ вопросу объ условіяхъ нормальнаго теченія жизни христіанской семьи*»; «*Христ. Чтен.*», 1898 г., апрѣль, стр. 546)... По обычаю Толстой и въ отношеніи къ книгѣ «Дѣяній Апостольскихъ» сваливаетъ съ больной головы на здоровую...

Писаній св. Ап. Павла графъ не любитъ (ср. отчасти уже выше). Ап. Павелъ, по толкованію Толстого, будто бы

проповѣдывалъ «насиліе во имя добра» (*Толст.* «*Письмо къ N. N.*»; стр. 5). Явное непониманіе или нежеланіе уразумѣть Апостола! Не желая понять смысла Апостольскаго совѣта о «*винѣ*» (1 Тимѳ. V, 23: «*впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частыхъ твоихъ недуговъ*»),—совѣта яснаго и не дающаго поводовъ къ перетолкованіямъ, — графъ позволяетъ себѣ на этотъ счетъ иронизировать («все» де «свято:.. и совѣты Павла о винѣ»: см. «*Соед. и перев... Евангг.*», стр. 10),—но какая это—глупая и безсмысленная иронія, цѣликомъ и съ процентами возвращающаяся къ ея автору!.. Ап. Павла Толстой не хочетъ или не можетъ понять, когда совершенно несправедливо говоритъ, что «Павелъ» будто бы «учитъ своей вѣрѣ, которую онъ называетъ» только «Христовой» (*Т.* «*Излож. Ев.*», стр. 196). Въ негодованіи на Ап. Павла за то, конечно, что послѣдній такъ блестяще и такъ геніально истолковывалъ ученіе Господне, графъ не жалѣетъ своихъ обычныхъ ругательствъ, называя, напр., 1-е посланіе къ Коринѳянамъ «безобразнымъ» (стр. 196) и т. д. и забывая, что эпитетъ этотъ всего скорѣе приложимъ къ нему—ясно-полянскому безбожнику, какъ вполнѣ имъ заслуженный... У графа только одни ругательства: здѣсь «безобразное», тамъ «попы» (*Письмо къ N. N.*», стр. 5) и т. д. Въ этомъ отношеніи графъ вѣренъ себѣ..., къ сожалѣнію...

«*Апокалипсиса*» Толстой уже окончательно не переноситъ. Только и читаете у него: «бредъ Апокалипсиса» (*Т.* «*Излож. Ев.*», стр. 110); въ Апокалипсисѣ де на лицо содержаніе «прямо соблазнительное» (стр. 110 — 111); «Апокалипсисъ уже прямо ничего не открываетъ» (стр. 112) и т. д. (ср. «*Соед. и перев... Евангг.*», стр. 10, 12...)... Въ чемъ, однако, «бредъ» этотъ проявляется, — что въ этой книгѣ «соблазнительнаго»...,—все это, впрочемъ, осталось скрытымъ въ головѣ графа и міру такъ и не открыто, потому что дѣйствительно нечего было и открывать. А что Апокалипсисъ будто бы «прямо» (любимое и не кстати употребляемое графомъ словечко!) «ничего не открываетъ»,—это является во-истину «открытіемъ» со стороны графа, до него никѣмъ не высказывавшимся и никому неизвѣстнымъ... Сказалъ бы графъ, что онъ, несмотря на свой единственный—де и исключительнѣйшій—де умъ, ничего въ Апокалипсисѣ не можетъ понять, — это было бы еще не диковинно,—но сказать, что книга ничего будто

бы и не открываетъ, это слишкомъ комично... даже и для графа, не смотря на то, что къ его смѣхоподобнымъ выходкамъ мы уже какъ будто попривыкли...

Итакъ, со Священнымъ Писаніемъ, какъ боговдохновеннымъ источникомъ, Толстой покончилъ совершенно и опредѣленно. Сомнѣній болѣе не остается... Хорошъ онъ, однако, этотъ христіанинъ!..

5) «Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ»... (*«Катих.»* *«О девятомъ членѣ»*...). *Отъ Бога.* А графъ Толстой со свойственнымъ ему богохульствомъ заявляетъ, что «изобрѣтатель Церкви — дьяволъ въ пелеринѣ» (см. *Толст. «Возстан. ада»*, стр. 23),—что онъ именно «выдумалъ Церковь» для того, чтобъ «спасти» Веельзевула и его клевретовъ и «возстановить адъ» (стр. 7)..., потрясенный и сокрушенный Христомъ (стр. 4, 3)... Церковь—де нужна діаволу для того, чтобъ затемнить, извратить ученіе Христово! Графъ *такимъ образомъ* кощунственно отзывается о Церкви, которая, наоборотъ, призвана сохранять и передавать въ чистотѣ и цѣлости животворное ученіе нашего Господа и которая употребляетъ всѣ силы на то, чтобъ содѣйствовать спасенію ея членовъ...,—о Церкви, которую создалъ Самъ Іисусъ Христосъ—Единородный Сынъ Божій (Матѳ. XVI, 18). Толстой въ данномъ случаѣ превзошелъ, кажется, уже всѣхъ безумцевъ всѣхъ временъ!

«А церковь»,—продолжаетъ онъ,—«это-то, что когда люди лгутъ и чувствуютъ, что имъ не вѣрятъ, они всегда, ссылаясь на Бога, говорятъ: Ей Богу, правда то, что я говорю,—это собственно и есть церковь»... При этомъ «люди, признавшіе себя церковью, увѣряются, что они уже не могутъ заблуждаться, и потому, какую бы глупость» (!!) «они ни сказали, уже не могутъ отъ нея отречься» и т. д. (*Толст. «Возстан. ада»*; стр. 7)... Здѣсь у графа читаемъ уже въ буквальномъ смыслѣ какой-то сумбуръ, — какой-то дикій бредъ сумасшедшаго... Въ безсмыслицѣ толстовской разобраться уже положительно невозможно, — да несомнѣнно, что и самъ Толстой не отдавалъ себѣ какого-либо отчета въ томъ, что писалъ. Нагромоздилъ массу вздора—и кончено! Въ самомъ дѣлѣ, если люди,—допустимъ,—лгутъ тѣ или иные и если, чувствуя, что другіе имъ не вѣрятъ, станутъ божится для увѣренія въ своей правдѣ...,—то какая же тутъ Церковь? Даже и Толстому сказать что-либо столь несуразное, столь безконечно безсмыслен-

ное, кажется, уже трудно бы! Если «Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ Православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и Таинствами» (*«Катих.»*: loc. cit.),—то при чемъ же тутъ какія-то придумываемыя графомъ «ложь», «божба»..., «глупость», которую онъ всего лучше оставилъ бы при себѣ, гдѣ ей всего умѣстнѣе и пребывать? Или ужъ безъ извощичьяго языка «культурному» ругателю не обойтись,—такъ онъ милъ ему?

Если подобнымъ образомъ Толстой смотритъ на Церковь, на ея сущность, происхожденіе..., то ясное дѣло, что, съ его точки зрѣнія, странно было бы говорить объ ея «святости»... Онъ и не говоритъ объ этомъ... Наоборотъ, категорически заявляетъ, что Церковь будто бы «перетолковала ученіе» Христово въ «пользу» Веельзевула и его клевретовъ (*Т. «Возст. ада»*, стр. 8), освящала и освящаетъ «страшные обманы» (*Т. «Хр. ученіе»*, стр. 77)...,—что проповѣдуемое ею ученіе есть ученіе «мрака и лжи», направленное «противъ свѣта и истины» (*Толст. «Обращ. къ духов.»*, стр. 33),—ученіе столь «безнравственное», какого-де еще «никогда не проповѣдывала ни-одна религія» (*Т. «Что такое религ.?..»*, стр. 18)...,—и что «нужно уничтоженіе» этой «ложной» доктрины, «въ которой воспитываются люди нашего времени» (*Т. «Неужели это такъ надо?»* Стр. 26)... Продолжать дальнѣйшія извлеченія изъ толстовскихъ сочиненій уже излишне: о нихъ можно достаточно судить на основаніи сдѣланныхъ выдержекъ. Толстой щедръ на подобныя рѣчи и словъ не жалѣетъ. Къ сожалѣнію, только не пытается обосновать своихъ положеній, разсчитывая на довѣрчивость наивныхъ читателей. Такъ, онъ ни мало не разъясняетъ и нисколько не доказываетъ,—гдѣ и какъ Церковь «перетолковала» зловредно Христово ученіе? Вѣдь Церковь всегда выступала и выступаетъ ясно, открыто, и всякій можетъ провѣрить ея ученіе, сравнивъ его съ ученіемъ Самого Господа. О какихъ «извращеніяхъ» здѣсь можно было бы говорить? О какихъ «обманахъ», да еще «страшныхъ?» И пусть бы графъ попытался путемъ тщательнаго сопоставленія «церковнаго» ученія съ «Христовымъ» доказать отступленія перваго отъ послѣдняго. Но этого ему никогда не удалось бы, да онъ и не пробуетъ дѣлать ничего подобнаго, заранѣе зная, къ чему все это привело бы... А говорить, графъ, можно все... Какой «мракъ», какую «ложь» проповѣдуетъ Церковь, съ какимъ «свѣтомъ», съ какою «исти-

ною» она борется, это опять никому неизвѣстно, кромѣ одного лишь фантазера—Толстого. Въ чемъ—невѣроятная «безнравственность» христіанскаго ученія? Снова и снова неизвѣстно. Извѣстно лишь то, что, по мѣрѣ ослабленія вліянія этого ученія на общество, въ послѣднемъ все болѣе и болѣе крѣпнетъ и усиливается нравственное хулиганство, все болѣе и болѣе распространяется порочность и т. д. И если о чемъ всякій здравомыслящій человѣкъ долженъ заботиться, то единственно лишь не объ «уничтоженіи» христіанской доктрины, а напротивъ—только и только объ ея усиленіи. Это отлично понимаютъ и сознаютъ всѣ, не зараженные христіанофобіей, люди... Не будь Церкви Христовой, не будь ея вліянія..., Толстой и его почитатели во-очію увидѣли бы результаты (Португалія, Франція, С.-Америка.... вѣдь на-лицо)..... Увидѣли бы, что «насиліе»,—въ которомъ графъ несправедливо обвиняетъ Церковь саму по себѣ, яко бы прибѣгавшую къ этому «средству противъ несогласія» чьего-либо съ ея ученіемъ,—насиліе и открытое, и «скрытое»... (*Толст.* «*О вѣротерпимости*»; изд. «*Своб. Слова*», № 72. A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England. 1902, стр. 10, 11...; стр. I «*Поправокъ и дополненій*»),—является въ дѣйствительности достояніемъ не ея—Церкви «христіанской» въ истинномъ смыслѣ слова,—а ея враговъ (припомните современное гоненіе на христіанство въ вышеупомянутыхъ «культурныхъ» странахъ...)...

Къ Церкви «принадлежатъ всѣ, скончавшіеся въ истинной вѣрѣ и святости»... Христіане, «принадлежащіе къ Церкви», еще «подвизающейся на землѣ.., призываютъ», между прочимъ, «на помощь Святыхъ, принадлежащихъ къ Церкви небесной»... «Преемство Апостольскаго служенія сохраняется въ Церкви» чрезъ «церковную іерархію» и пр. («*Катихиз.*»; о «*девятомъ членѣ*» символа вѣры).

Графъ Толстой ко всему этому настроенъ по обычаю отрицательно. Онъ относитъ къ области «страшныхъ обмановъ» церковное ученіе о «святыхъ» и «молитвахъ» къ нимъ,—о «мощахъ» (послѣднее иллюстрируетъ богохульной выдумкой о томъ, что «въ Кіевѣ мощи» будто бы «набиты соломой»), объ «иконахъ», о «чудотворныхъ иконахъ—казанскихъ, иверскихъ»..., о «вынимании частицъ», «становленіи свѣчей», «поминаніяхъ», «водосвятіяхъ», «ношеніи крестовъ», о «молитвахъ въ храмахъ», «постахъ» и т. д. (см. *Толстого*: «*Христ. уч.*», стр. 77, 78, 79; «*Обращ. къ духов.*», стр. 34, 35;

«*Возстан. ада*», стр. 10; «*Что такое религія*»?... Стр. 19. «*Изложс. Евангс.*», стр. 211 и др.; «*Жизнь и уч. Іис.*», стр. 7...).

При пантеистической точкѣ зрѣнія, не признающей Личнаго Бога, отрицающей личное загробное бытіе...,—при отрицаніи Божества Іисуса Христа...,—разумѣется, понятно неблаговоленіе Толстого къ перечисленнымъ пунктамъ христіанскаго церковнаго ученія: къ почитанію святыхъ, къ иконамъ, къ молитвамъ, къ «іерархіи» и пр. Другое, конечно, дѣло,—насколько эта точка зрѣнія въ дѣйствительности фальшива, что, впрочемъ, фактъ, можно сказать, общепризнанный... Все это,—повторяемъ,—еще понятно. Но совсѣмъ ужъ непонятно другое: это—никогда не оставляющее графа (!!) болѣзненное какое то стремленіе къ цинизму, къ богохульству, ко лжи... Подъ вліяніемъ этого печальнѣйшаго стремленія Толстой говоритъ объ обманахъ тамъ, гдѣ этихъ обмановъ нѣтъ и въ поминѣ... По крайней мѣрѣ, не пытается чѣмъ либо, кромѣ голыхъ и бездоказательныхъ фразъ, подтвердить свои невѣроятныя заявленія, которыя, посему, теряютъ всякое значеніе... Заявленіе же богохульника—Толстого относительно кіевскихъ мощей до такой степени фальшиво, безумно..., до такой степени расходится съ дѣйствительностью, давно провѣренною и стоящею выше всякихъ пререканій, что о немъ не стоитъ больше и говорить. Даже и діаволъ въ преисподней, при всей его неизъяснимой и безпримѣрной злобѣ, не могъ бы придумать болѣе гнусной клеветы, чѣмъ какую выдумалъ яснополянскій баричъ. «*И бѣсы вѣруютъ, и трепещутъ*» (Іак. II, 19)... А Толстой и не вѣруетъ, и не трепещетъ,—напротивъ, въ своемъ безудержномъ богохульствѣ онъ дерзко возстаетъ на Самого Бога, на Его святую Церковь, на ея уставы, на ея ученіе...,—дерзко возстаетъ... и ни тѣни трепета..., даже бравированіе цинизмомъ, безбожіемъ, антихристіанскими чувствами!...

6) Христіанская Церковь учитъ, что «таинство есть священное дѣйствіе, чрезъ которое тайнымъ образомъ дѣйствуетъ на человѣка *благодать* или, что тоже, спасительная сила Божія»,—и что таинствъ семь... («*Катих.*» «*О десятомъ членѣ*» симв. вѣры). Это ученіе долженъ исповѣдывать каждый христіанинъ, какъ такой.

Совсѣмъ не такъ смотритъ на дѣло графъ Толстой.

«Что для спасенія нужно семь таинствъ»,—объ этомъ, по его утвержденію, «въ ученіи Іисуса нѣтъ ни одного

намека» (*«Изложе. Ев.»—Толст.*, стр. 119). Съ Толстымъ могъ бы согласиться, конечно, тотъ, кто «видя не видитъ» или кто ничего не знаетъ, ничего не читаетъ... Но всякій, рѣшительно всякій только посмѣется надъ его претензіями, кто помнитъ, напр., Іоанн. III, 5; Матѳ. XXVIII, 19; Мрк. XVI, 16; Мѳ. XXVI, 26—28; Іоан. VI, 56, 54; Лук. XXII, 19; Мѳ. XVIII, 18; Іоан. XX, 22, 23 и весьма мног. друг. мѣста изъ св. Евангелій (не говоримъ уже о безчисленныхъ свидѣтельствахъ въ посланіяхъ Апостольскихъ: главныя мѣста приведены уже въ «Катихизисѣ»)... Толстому не нравится ученіе Церкви о таинствахъ, и онъ высокомѣрно заявляетъ: «вы говорите» (т. е., представители іерархіи), «что совершенствованіе своими силами безъ помощи... таинствъ... есть грѣхъ гордости, что для спасенія своего человѣкъ долженъ вѣрить не своему разуму, а велѣніямъ церкви»... (*«Обращ. къ духов.»*, стр. 34)... Не о гордости здѣсь рѣчь въ дѣйствительности, а о невозможности для человѣка, безъ высшей помощи, достигнуть совершенства: всякій, кто хоть немного слѣдилъ за собою и себя анализировалъ, это отлично понимаетъ, что понимали даже и язычники (Овидій...). Ученіе Церкви и въ данномъ случаѣ, и въ другихъ никогда не стоитъ въ противорѣчіи съ требованіями «разума», а наоборотъ—согласно съ ними всегда. Всѣ попытки въ толстовскомъ духѣ неизмѣнно разбивались о совершенно ясное ученіе Церкви, о безподобныя толкованія авторитетнѣйшихъ свв. отцовъ древне-христіанскихъ....

Переходя къ ученію Церкви объ отдѣльныхъ таинствахъ, Толстой вопрошаетъ: «что можетъ быть безнравственнѣе того ужаснаго ученія..., что спасеніе людей отъ грѣха состоитъ въ томъ, чтобы быть *окрещенными*»... (*«Что такое религія?..» Толст.*, стр. 19)? Что въ христіанскомъ ученіи о таинствѣ *«крещенія»* графъ видитъ не только безнравственное, а еще сверхъ-безнравственное,—это неизвѣстно никому, а также и ему самому, конечно,—такъ какъ никакихъ обоснованій своего безумія онъ не приводитъ: выругался—и кончено... Что еще вамъ нужно? Достаточно-де графскаго слова, которому, молъ, вѣрятъ всѣ жиды или, по крайней мѣрѣ, притворяются вѣрующими... Не вѣря во Св. Духа и въ Его божественную благодать, Толстой, разумѣется, не могъ вѣрить и въ спасительную силу таинствъ... Но говорить о безнравственности, да еще исключительной, онъ не могъ даже и при его безбож-

ной и нелѣпѣйшей точкѣ зрѣнія,—не могъ, т. е., не имѣлъ данныхъ, не имѣлъ права...

Но особенно глумится графъ надъ святѣйшимъ таинствомъ *Евхаристіи*. Кажется, всѣ злыя силы ада соединились, чтобы сказать языкомъ яснополянскаго богохульника возможно болѣе кощунственнаго, оскорбительнаго, гнуснѣйшаго...,—и успѣли въ этомъ: всѣ рекорды побиты безусловно... И здѣсь *въ особенности*,—какъ и въ другихъ случаяхъ, — просто противно и потому не хотѣлось бы передавать гнусности толстовскія,—но такъ какъ *необходимо же показать* не-свѣдущимъ, что за «христіанинъ» (??!) былъ Толстой, обычно ими—этими господами—столь исключительно защищаемый...,—то... приходится, скрѣпя сердце, эти гнусности,—по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя хотя бы изъ нихъ,—констатировать, къ великому сожалѣнію и смущенію душевному...

О Тайной Вечери, на которой было установлено святѣйшее таинство Евхаристіи, Толстой пространно повѣствуетъ, какъ лишь о простомъ «ужинѣ»,—какъ лишь о такомъ фактѣ, изъ котораго-де нельзя вывести того, что сдѣлала Церковь, и т. д. (*Толст.* «*Изложе. Евани.*», стр. 196; срав. стр. 119 и др.),—при чемъ по обычаю прибавляетъ не мало словъ и выраженій изъ своего «художественнаго» лексикона: о безконечно «низкомъ паденіи ученія, называемаго Христовымъ»,—о церковномъ ученіи, какъ о «чемъ-то» «дикомъ», «чему подобнаго нельзя найти ни въ какой дикой вѣрѣ», и пр. и пр. (стр. 196)... Читая все это, удивляетесь: ужели Толстой не зналъ хотя бы Матѳ. XXVI, 26—28,—Іоан. VI, 56. 54,—Лук. XXII, 19?.. И на какомъ же основаніи онъ позволяетъ себѣ свои обычныя выходки? И о какомъ и чьемъ «паденіи» въ дѣйствительности слѣдовало бы говорить,—о чьей нравственной «дикости»?.. Конечно, только и только о толстовскихъ... А между тѣхъ графъ позволяетъ себѣ вести рѣчь возмутительнѣйшую: о св. Евхаристіи, какъ «о нелѣпомъ» (?!) «таинствѣ, про которое Вольтеръ еще говорилъ, что были и есть всякія нелѣпыя религіозныя ученія, но никогда еще не было такого, въ которомъ главный религіозный актъ состоялъ бы въ томъ, чтобы ѣсть своего Бога»... (*Толст.* «*Что такое религія*»?.., стр. 19). Прежде всего Вольтера слѣдовало бы, конечно, оставить въ сторонѣ: его глупыя бредни давно уже сданы въ архивъ на вѣчныя времена,—и ни для кого онъ не авторитетъ съ его «безсовѣстной лестью и униженіемъ», «са-

молюбіемъ», «страшною трусливостью», съ его «идеаломъ», каковымъ были: «блескъ двора, почести, вниманіе женщинъ»,—съ его «алчностью, мелочностью, злопамятностью», «мстительностью», «способностью на самую низкую ложь»... (см. «*Правосл. Богословск. Энциклопед.*»,—изд. *проф. А. П. Лопухина*; т. III; Спб. 1902 г.; *проф. С. С. Глаголева*: «*Вольтеръ*», colonn. 803—811)... Или Толстой въ лицѣ Вольтера нашелъ родственную себѣ—«лживую»...—натуру? А затѣмъ вмѣсто Вольтера почему бы не обратиться за разъясненіями, какія только возможны въ данномъ случаѣ, хотя бы къ указываемымъ «Православнымъ Катихизисомъ»: «изложенію вѣры Восточныхъ Патріарховъ», св. Іоанну Дамаскину?.. Вѣдь, если мы для пониманія Апокалипсиса будемъ обращаться къ гг. Морозовымъ, Святскимъ и К°,—то едва ли не заберемся въ самую непроходимую глушь нелѣпостей всякаго рода? Христіанство изучать по Вольтеру! Вѣдь можно же додуматься до такого абсурда! Отчего бы ужъ не по Цельсу, не по Ницше, не по Горькому?.. Кто хочетъ познакомиться съ прошлымъ русской исторіи,—тотъ вѣдь всего дальше будетъ сторониться Шишко и подобныхъ ему невѣждъ; кто хочетъ понять смыслъ христіанскаго ученія, тотъ обратится не къ другому кому-либо, какъ къ свв. Апостоламъ, свв. отцамъ Церкви..., къ лицамъ, всего ближе стоявшимъ къ Господу и потому всего лучше понимавшимъ Его ученіе... Къ нимъ, а не къ безбожникамъ и развратникамъ... Самъ (въ молодости) развратникъ—Толстой и прибѣгаетъ въ подобныхъ настоящему случаяхъ за помощью къ такимъ же лицамъ. Не-способный подняться выше грубаго, матеріальнаго—онъ и считаетъ, посему, «обманомъ» ученіе Церкви о «пресуществленіи хлѣба и вина»... (*Толст.* «*Христ. учен.*», стр. 78—79),—считаетъ..., не смотря на противоположнаго характера ясныя свидѣтельства и слова Божія, и священнаго Преданія... Если человѣкъ въ ослѣпленіи безнадежномъ считаетъ бѣлое чернымъ и наоборотъ, тогда продолжать съ нимъ разговоры уже излишне. Человѣкъ,—при слабомъ умѣ, при ограниченномъ и испорченномъ грѣхомъ,—желающій постигнуть всѣ религіозныя тайны, въ какія можно только вѣрить,—и все, что не можетъ быть безъ остатка разъяснено разумомъ, считающій за нелѣпое, неудобопріемлемое...,—проявляетъ такую гордыню, такое самообожаніе..., которыя никогда не позволятъ ему «унизиться» (!!) до покорности церковному ученію... Такой человѣкъ потерянъ для

Церкви безвозвратно... Гордость сближаетъ его съ Веельзевуломъ скорѣе всего..., съ тѣмъ самымъ, который у него постоянно на устахъ, напр., въ сочин. «*Возстановленіе ада*», гдѣ графъ всячески старается, какъ бы пренебрежительнѣе отозваться о ненавидимомъ имъ святѣйшемъ таинствѣ Евхаристіи, смакуя слова: «похлебка», «кусочки хлѣба»... (стр. 10) и пр. А что онъ въ данномъ случаѣ позволяетъ себѣ въ своемъ сверхъ-кощунственномъ произведеніи «*Воскресеніе*»...,—невозможно было бы и передать. На старости лѣтъ этотъ «христіанинъ» (!!!), отрицающій въ дѣйствительности все христіанское, кажется, уже окончательно потерялъ разумъ...

«Священства», какъ «Таинства, въ которомъ Духъ Святый правильно избраннаго, чрезъ рукоположеніе Святительское, поставляетъ совершать Таинства и пасти стадо Христово» («*Катих.*» «*О десятомъ членѣ симв. в.*»),—графъ не признаетъ, увѣряя, вопреки правдѣ (Іоан. XX, 21—23; Лук. XXIV, 50 и др.), что будто бы «въ ученіи Іисуса нѣтъ ни одного намека» на это таинство... (*Толст.* «*Изложк. Евангл.*», стр. 119)...

«Въ евангеліи», по словамъ Толстого, будто бы «нѣтъ указанія на бракъ»,—а «есть» лишь «отрицаніе его»; «объ учрежденіи брака» тамъ-де «нѣтъ и помина»,—нѣтъ «ничего, кромѣ нелѣпаго чуда Каны»...; «бракъ есть нехристіанское учрежденіе»; І. Христосъ «никогда»-де «не учреждалъ брака»... (*Толстого* «*О половомъ вопросѣ*». «Мысли, собранныя Владиміромъ Чертковымъ». Изд. 2-е «*Своб. Слова*», № 62. A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England. 1903. Стр. 47). «Церковный бракъ» «не имѣетъ»-де «въ себѣ ничего христіанскаго»; онъ будто бы «выдуманъ» для «людей не-христіанскаго духа»... (стр. 27); «въ истинномъ христіанскомъ ученіи» будто бы «нѣтъ никакихъ основаній для учрежденія брака»; «христіанскаго брака быть не можетъ и никогда не было»... (стр. 11); «Христосъ никогда не устанавливалъ брака» стр. (10)... «Духовенство» «совершаетъ» «за деньги церемонію» только (не больше!), «называемую... бракомъ» (стр. 11)... «Христосъ» (см. *Т.* «*Крейцерова соната*») «не только никогда не устанавливалъ брака..., но скорѣе отрицалъ его» (стр. 114); «христіанскаго брака быть не можетъ и никогда не было» (стр. 115; ср. выше—стр. 11 изъ соч. *Т.* «*О пол. вопр.*»); «такъ» будто бы «и понималось это всегда христіанами первыхъ и послѣдующихъ вѣковъ» («*Крейц. сон.*», стр. 115)... «Настоящій бракъ», по словамъ графа, «состоитъ» у христіанъ «въ томъ,

чтобы нарядиться въ самыя лучшія платья, пойти въ большое, устроенное для этого» (?!), «зданіе и тамъ, надѣвши на головы особенныя, приготовленныя для этого, шапки, подъ звуки разныхъ пѣсенъ» (?) «обойти три раза вокругъ столика»... (*Возстан. ада*», стр. 11; ср. стр. 12). А «если»-де людямъ «покажутся стѣснительными... требованія, связанныя съ церковнымъ бракомъ, то они устраиваютъ такъ, что совершается второе хожденіе вокругъ столика, первое же считается недѣйствительнымъ» (стр. 12)... «Когда кажутся» людямъ «стѣснительными нѣкоторыя требованія закона и обычая церковнаго брака», то «мужья и жены убиваютъ другъ друга»..., и вообще «очень большое количество убійствъ даетъ намъ ученіе о христіанскомъ бракѣ»... (стр. 16) и т. д.

Впрочемъ, довольно извлеченій изъ толстовскихъ сочиненій! Сколько, однако, непростительнаго вздора наговорено графомъ и въ данномъ случаѣ?

Если кто заглянулъ бы въ Еванг. Мѳ. XIX, 4—6,—затѣмъ—въ посл. св. Ап. Павла: къ Ефес. V, 31. 32; 1 Кор. VI, 16; VII, 39...,—далѣе—въ творенія, напр., св. Игнатія Богоносца (говорящаго о «бракѣ о Господѣ» и «съ вѣдома епископа»), Климента Александрійскаго (говорящаго объ «освященіи брака словомъ Божіимъ и молитвою»), св. Григорія Богослова (по словамъ коего въ бракѣ «сочетаваются юныя руки рукою Бога») и мног. друг. (см. всѣ эти и подобныя имъ выдержки, напр., у *о. Н. П. Малиновскаго*: «*Правосл. Догматическое Богословіе*»; IV т., Серг. Пос. 1909 г. 379—383),—то такой человѣкъ во-очію увидѣлъ бы, что, вопреки увѣреніямъ Толстого, бракъ—«христіанское учрежденіе», ведущее начало отъ Самого Іисуса Христа,—что таковымъ онъ признавался уже «въ первые и послѣдующіе вѣка» христіанской эры (ср. у. *проф. А. Л. Катанскаго* въ сочин. «*Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцовъ и учителей Церкви*»...; Спб. 1877 г.)... Относительно «нелѣпаго чуда Каны» слѣдуетъ замѣтить, что нелѣпость заключается только въ головѣ графа. Господь, по словамъ св. Григорія Богослова, «чудодѣйствуетъ на бракѣ и Своимъ присутствіемъ доставляетъ честь супружеству» (у *о. Н. П. Малинов.*. стр. 380). Подобно «жителямъ Каны»,—говоритъ св. І. Златоустъ,—«пусть вступающіе въ бракъ имѣютъ среди себя Христа» (ibid.). «Въ посѣщеніи Іисусомъ Христомъ брака въ Канѣ» многіе отцы и учители христіанскіе

(«св. Кириллъ Александр., св. Епифаній, бл. Августинъ»...) «видѣли начало благословенію Имъ брака христіанскаго» (стр. 385),—благословенію, особенно энергично подтвержденному, конечно, чудомъ...

Не во внѣшней «церемоніи» (?!)—только дѣло, не въ платьяхъ, «шапкахъ» (это «вѣнцы»-то!), не въ хожденіи только кругомъ «столика» (!!)... А «пѣсенъ» Вашихъ, графъ, при вѣнчаніи не поютъ... Дѣло главнѣйшимъ образомъ въ «благодати», «испрашиваемой» брачущимся... «къ благословенному рожденію и христіанскому воспитанію дѣтей» (*«Катих.» «О десятомъ членѣ»*...). «Вѣнчаніе»-же...—это—лишь «видимый покровъ или образъ, подъ коимъ сообщается сочетавающимся невидимая благодать Св. Духа, освящающая ихъ брачный союзъ» (у *о. Н. П. Малин.* стр. 387)...

Разводъ въ христіанской Церкви разрѣшается вовсе не такъ просто и не такъ легкомысленно, какъ это представляется графомъ,—а лишь въ случаѣ прелюбодѣянія одного изъ супруговъ (Матѳ. V, 32. XIX, 9), да и здѣсь предварительно совѣтуется Церковію испробовать всѣ средства, чтобы избѣжать столь печальнаго конца (см. *мою* цитов. статью: «*Къ вопросу объ условіяхъ... жизни хр. семьи*», стр. 535—536)... «Убійства» и пр. въ данномъ случаѣ происходятъ по мѣрѣ ослабленія лишь христіанскаго вліянія на супруговъ..., а не наоборотъ...,—и на христіанскую Церковь здѣсь укоризненно кивать, г. графъ, стыдно, гнусно...

Достаточно, думаемъ, знакомить съ толстовскими взглядами на церковныя таинства! Дѣло очень ясно уже...

7) Христіанство учитъ о будущемъ «воскресеніи мертвыхъ» (11-й членъ симв. вѣры) и о «жизни будущаго вѣка» (12-й членъ),—вѣчной.

Толстой отвергаетъ это ученіе, увѣренный въ томъ, что и сами представители Церкви будто бы «не вѣрятъ» ни «въ воскресеніе мертвыхъ», ни «въ адъ» (*Толст. «Обращ. къ духов.»*, стр. 43). «Церковное представленіе о раѣ и адѣ», по словамъ графа, «несовмѣстимо» будто бы «съ понятіемъ о Богѣ любви» (*Толст. «Христ уч.»*, стр. 132). Это ученіе, «признающее Бога карающимъ людей вѣчными мученіями», есть-де, посему, «низменно, жестоко»... (стр. 3) (особ. чит. *Толстого «Критику Догматическаго Богословія»*)... Самое состояніе человѣка за гробомъ Толстой понимаетъ пантеистически (*«Хр. уч.»*, стр. 131—133)...

Какъ видите, человѣку мало того, что самъ онъ не вѣритъ ни въ рай, ни въ адъ,—нѣтъ, судя о другихъ по своей выцвѣтшей и пустой душѣ, онъ хочетъ убѣдить, что и другіе не вѣрятъ ни въ тотъ, ни въ другой. Куда ужъ ему читать въ чужихъ душахъ, когда, видимо, и своей-то онъ хорошенько не знаетъ, противорѣча себѣ на каждомъ шагу (образчикъ изъ числа множества примѣровъ представленъ выше) [1]) и, при томъ, въ самыхъ принципіальныхъ вопросахъ...

Обвиненіе христіанскаго ученія въ «низменности», «жестокости»..., «несовмѣстимость» «церковнаго представленія о раѣ и адѣ съ понятіемъ о Богѣ любви»...—всѣ эти «жупелы» являются таковыми только въ головѣ Толстого и въ другихъ, ей подобныхъ,—но нигдѣ больше. Въ «раѣ» и «адѣ», въ «мученіяхъ» виновны только сами же люди, но не Богъ (Который есть не одна лишь «любовь», но и «правда»), не церковное ученіе, знающее: Матѳ. XXV, 46; ср. Іоанн. V, 29; ср. Дан. XII, 2. Евангельское слово, передающее рѣчи Господни, слишкомъ ясно, слишкомъ опредѣленно...,—и ничьи попытки извратить его, какъ-либо по своему перетолковать (хотя бы и сотни Толстыхъ со всѣми «Юліанами» и «Геккелями»...) успѣха имѣть не будутъ. И если ни у кого не хватитъ дерзости (кромѣ безбожниковъ) обвинить Евангельское ученіе въ «жестокости, низменности»,—то, посему, никто не рѣшится обвинить въ томъ же и ученіе церковное, какъ точно слѣдующее св. Евангелію,—точно..., безъ малѣйшихъ отступленій... Если Господь сказалъ, что грѣшники «пойдутъ въ муку *вѣчную*, а праведники въ жизнь *вѣчную*» (Мѳ. loc. cit.),—то о чемъ же еще здѣсь говорить?.. «Рай», «адъ»?.. Да кто же ихъ создаетъ? Не мы ли сами и не только ли мы одни?

---

[1]) Или еще примѣръ: Толстой всячески возставалъ противъ „собственности", какъ явленія не-христіанскаго, какъ „корня зла" и пр. (чит. *Толст.*: *„Письмо къ N. N."*, стр. 12; *„Христ. учен."*, стр. 46; *„Къ рабочему народу"*,—изд. *„Своб. Слова"*, № 78,—A. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England, 1902; *„Такъ что-же намъ дѣлать"*,—изд. Герцика; цит. I т., Спб. 1906; особ. стр. 255; *„Крейц. Сон."*, стр. 115; *„Неужели это такъ надо"*, изд. *„Своб. Слова"*, № 45; A. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England, 1901, стр. 17; *„Изложе. Ев."*, стр. 160 и т. д. и т. д.)... А самъ оставилъ завѣщаніе, надѣлавшее и еще дѣлающее столько зла и хлопотъ!!! И такъ—на каждомъ шагу! Предоставить право печатанія своихъ сочиненій, напр., всякому и въ то же время продавать *„Воскресеніе"* за очень высокую цѣну, отказаться отъ имѣнія и въ то же время жить въ немъ и пользоваться всѣми благами...—все это и подобное было въ порядкѣ вещей у Толстого...

Каждый человѣкъ своимъ поведеніемъ создаетъ себѣ извѣстную нравственную физіономію. Если онъ ведетъ нравственно-добрую жизнь, то *блаженнъ уже въ своемъ дѣйствованіи* (Іак. I, 25),— уже владѣетъ *царствіемъ Божіимъ*, состоящимъ въ *праведности и мирѣ и радости во Святомъ Духѣ* (Римл. XIV, 17),—не приходящимъ отъинуду внѣшнимъ образомъ, но созидаемымъ самимъ же человѣкомъ и находящимся *внутри его* (Лук. XVII, 20—21). Въ загробной жизни будетъ *только* дальнѣйшее развитіе и проявленіе этого внутренняго богатства человѣка. Если человѣческая воля, сложившись въ здѣшней жизни въ нравственно-добромъ направленіи, овладѣетъ царствіемъ Божіимъ, насколько это нынѣ возможно, то вполнѣ естественно, даже вполнѣ необходимо предположить, что въ загробной жизни она будетъ продолжать развиваться въ *томъ же* направленіи до безконечности и потому именно, что тамъ не окажется никакихъ причинъ, которыя отклонили бы ее въ сторону отъ взятаго ею направленія. Слѣдовательно, дѣло обстоитъ такимъ образомъ. Рай, такъ смущающій Толстого, отчасти составляетъ достояніе нравственно-прекраснаго человѣка уже здѣсь—на землѣ,—по крайней мѣрѣ, въ начальной стадіи его,—и было бы крайне странно и непослѣдовательно предполагать, что рай будущей жизни не есть вполнѣ и даже единственно естественное продолженіе земного, понимаемаго въ указанномъ смыслѣ. Что относится къ раю, тоже приложимо и къ аду. Человѣкъ, въ здѣшней жизни постоянно проявляющій себя въ направленіи нравственно-дурномъ, создаетъ внутри себя прочное злое настроеніе, прочно-злую волю или,—что собственно тоже въ нѣкоторомъ смыслѣ,—адъ, сопряженный съ мученіями и терзаніями совѣсти. Естественнымъ и неизбѣжнымъ продолженіемъ земного ада является адъ будущей жизни, какъ имѣющій состоять прежде всего въ дальнѣйшемъ развитіи того нравственно-порочнаго настроенія человѣческой воли, какое пріобрѣтено ею здѣсь. И если на землѣ поворотъ окрѣпшаго нравственно-порочнаго направленія въ противоположную сторону, безъ вмѣшательства въ дѣло чего-либо очень необыкновеннаго, психологически невозможенъ, то эта невозможность естественно останется таковою же и въ жизни загробной... Словомъ, рай и адъ, прежде всего, не есть что-либо извнѣ привходящее въ человѣка, не есть что-либо, даруемое ему только и только со стороны, но преимущественно и главнѣй-

шимъ образомъ создаются самимъ же человѣкомъ. Самъ же послѣдній прежде всего обусловливаетъ и продолжаемость того и другого до безконечности, помимо вмѣшательства въ это дѣло какой-либо чужой, посторонней силы... (см. *мою* статью: «*Можно-ли и нужно-ли адогматизировать христіанскую этику?*» «*Миссіон. Обозр.*», 1903 г., іюль, № 11, стр. 28—29).

Пантеистическая толстовская точка зрѣнія совершенно чужда христіанской—теистической и не могла привести графа ни къ чему другому, кромѣ безконечной путаницы (ср. *Т.* «*Хр. уч.*», стр. 131—133).

Считаемъ достаточными для существа дѣла тѣ выдержки изъ толстовскихъ сочиненій, какія нами сдѣланы выше, хотя ихъ можно было бы привести въ безконечно большемъ еще количествѣ: столь обильный матеріалъ для нашихъ цѣлей предлагаютъ графскія произведенія, особенно еслибъ мы захотѣли дать выписки изъ всѣхъ, лежащихъ предъ нами, религіозно-нравственныхъ «твореній» яснополянскаго богохульника. Предложенныя нами данныя, документальность коихъ не можетъ подлежать никакимъ сомнѣніямъ, слишкомъ краснорѣчивы и слишкомъ полны, чтобъ у кого-либо могли еще оставаться какія-либо недоумѣнія, сомнѣнія... Насъ просили выяснить: другъ ли Христовъ Толстой, истинный ли христіанинъ? Не антихристъ ли, не врагъ ли Господень графъ? Вотъ что требовалось отъ насъ раскрыть. И вышеприведенныя данныя безусловно отчетливо отвѣчаютъ на вопросъ. Здѣсь намъ не требовалось входить въ разсмотрѣніе другихъ подробностей толстовской доктрины, обнаруживающихъ невѣрное пониманіе графомъ христіанскаго ученія (напр., пресловутыхъ толстовскихъ «пяти заповѣдей» и толстовскаго «непротивленія злу»,— толстовскихъ анархическихъ принциповъ и пр.)[1]), но не имѣю-

---

[1]) Притомъ, эти пункты давно уже обстоятельно разобраны въ солидныхъ трудахъ: *проф. А. Ѳ. Гусева „О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Толстого“*, 2-е изд., Каз., 1902 г. (и въ другихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ того же автора), — *проф. К. Григорьева „Христіанство въ его отношеніи къ государству по воззрѣнію гр. Л. Толстого. Полемико-апологетическое изслѣдованіе“*, Каз., 1904 г...., — а также въ многочисленныхъ журнальныхъ статьяхъ (*мои*, напр., нѣкоторыя статьи указаны въ *„Хр. Чт.“*: 1912 г., февр., стр. 156). Литература о Толстомъ необозрима: въ 1903 г. *Ю. Битовтъ* издалъ „библіографическій“ ея „указатель“, занявшій 375 страницъ! А сколько написано съ

щихъ непосредственнаго отношенія къ нашей задачѣ и дающихъ, при томъ, поводы къ различному ихъ пониманію (а отъ насъ требовалось освѣтить дѣло лишь ссылками на ясныя и не возбуждающія недоумѣній мѣста изъ толстовскихъ книгъ и книжекъ).

Въ частности, изъ сочиненій самого графа Л. Толстого мы видѣли (выше) непререкаемо ясно, что онъ *отвергалъ въ христіанствѣ все существенное,—все, что только дѣлаетъ христіанство христіанствомъ.* Какъ Божій день, ясно, что графъ Толстой христіаниномъ не былъ. Если никого изъ христіанъ, исповѣдующихъ христіанское ученіе, нельзя назвать, напр., буддистомъ или магометаниномъ, то въ такой же степени нельзя назвать и Толстого христіаниномъ, какъ отрицающаго всѣ христіанскіе принципы, какъ таковые. Мало того, впрочемъ, что Толстой не былъ христіаниномъ (или, считаясь тататковымъ нѣкогда, послѣ пересталъ быть даже и такимъ),—онъ былъ ярымъ врагомъ Христа и Его Церкви, глумясь и всячески издѣваясь и надъ Господомъ нашимъ, и надъ святою Церковью, надъ ея установленіями, представителями и пр. Выше было приведено не мало доказательствъ изъ толстовскихъ произведеній. Если кого можно назвать *антихристомъ*—противникомъ Христа, врагомъ Его, то Толстого не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ кого бы то ни было другого (напр., Ницше, Геккеля, соціалистовъ: какого-нибудь Дитцгена, Бебеля и т. д.,,—а пожалуй—и въ бо́льшей, если принять во вниманіе ту безумную ярость, съ какою онъ нападаетъ на христіанство, то безпримѣрное кощунство, наглое богохульство, небывалый цинизмъ, какіе онъ на каждомъ шагу спокойно (!!) обнаруживаетъ...

Нѣтъ, *не другъ Христовъ Толстой, а врагъ, антихристъ.* Это—*безусловная истина*!

Тѣ лица, которыя утверждаютъ иное (получившія иногда не только одно «свѣтское», но, къ удивленію, и «богословское» образованіе и *наивно* спрашивающія: «*Толстой умеръ. Съ кѣмъ мы теперь останемся?*»... Скажите, пожалуйста!!!),—такъ поступаютъ,—такъ могутъ, по крайней мѣрѣ, поступать: или по невѣжеству (не знаютъ нерѣдко не только христіан-

---

тѣхъ поръ!? У Битовта (не отличающагося, однако, исчерпывающей дѣло полнотой) указано не мало противо-толстовскихъ недурныхъ сочиненій и статей.

ства, но и толстовства, за которое распинаются своими «умными» головами), или по недобросовѣстности (слѣдуя іезуитскому отвратительному принципу, они, вопреки очевидной истинѣ, готовы счесть Толстого не только христіаниномъ, но даже «усовершенствованнымъ Христомъ», чтобы уязвить Церковь и пр.). Tertium non datur!

А разъ Толстой—врагъ Христа и Его святой Церкви,—ясно, что къ послѣдней онъ не принадлежалъ, и ясно, что Св. Синодъ, отлучивъ его отъ общенія съ Церковію, ничего больше не сдѣлалъ, какъ *только констатировалъ голую дѣйствительность, голый фактъ—не больше...* И намъ всѣмъ пора перестать заигрывать передъ толстовцами, пора говорить *ту же* правду объ яснополянскомъ богохульникѣ и циникѣ предъ всѣми, никого и ничего не стыдясь и не боясь...

И если къ Толстому оказались приложимы слова пророка объ «ослиномъ погребеніи», направленныя къ Іоакиму, царю Іудейскому (Іерем. XXII, 18 — 19),—то въ этомъ виновенъ *только* самъ графъ,—только онъ *одинъ*,—виновенъ безусловно...,—а кромѣ него — *никто!* На *христіанское* погребеніе имѣетъ право разсчитывать, конечно, лишь христіанинъ, а не язычникъ... Толстой же въ своихъ отношеніяхъ къ Іисусу Христу и христіанству былъ хуже всякаго язычника... Даже и злѣйшіе язычники остановились-бы передъ толстовскими богохульствами и цинизмомъ...

Да! Вотъ она—правда!

Профессоръ **А. Бронзовъ.**

5 февр. 1912 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки